

RUGRAM

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Беглянка

ФТМ

УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6
П85

MARCEL PROUST
À la recherche du temps perdu
La Fugitive
1925

Перевел с французского Н. Любимов

Пруст М.

П85 В поисках утраченного времени : Беглянка / Марсель Пруст ; [пер. с франц. Н. Любимова]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — 285 с. — (Серия «Пальмира — Пруст»).

ISBN 978-5-521-74576-0

«Беглянка» — шестая книга семитомной эпопеи французского писателя Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени». Рассказчика покидает его возлюбленная Альбертина, он предпринимает попытки ее вернуть и расследует темные стороны ее прошлого.

**УДК 82/89
ББК 84(4Фра)6**

© Любимов Н. М., наследники,
перевод на русский язык, 2021
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-521-74576-0

«Мадемуазель Альбертина уехала!» Насколько страдание психологически сильнее, чем сама психология! Только что, осмысливая свое душевное состояние, я думал, что разлука без последнего свидания — это как раз то, о чем я мечтаю, я сопоставлял небольшие удовольствия, какие доставляла мне Альбертина, с богатой палитрой влечений, которым она препятствовала, и сознание, что она живет у меня, мое угнетенное состояние дало им возможность выдвинуться в моей душе на первый план, но при первом же известии об ее отъезде они не выдержали соперничества — мгновенно улетучились, я переломился, я пришел к выводу, что не хочу больше ее видеть, что я ее разлюбил. Но слова: «Мадемуазель Альбертина уехала» причинили мне жгучую боль, я чувствовал, что мне с ней не справиться, я должен был прекратить ее; испытывая такую же нежность к самому себе, какую испытывала моя мать к умирающей бабушке, я шептал себе слова утешения, какими успокаивают любимое существо: «Потерпи минутку — мы найдем тебе лекарство; не волнуйся — мы тебе поможем». Я смутно догадывался, что если прежде я относился к отъезду Альбертины безразлично, что он был мне даже приятен, то лишь потому, что я в него не верил; когда же это произошло, инстинкт самосохранения стал искать простейшего болеутоляющего средства для моей открытой раны: «Это все пустяки, я мигом ее верну. Я все взвешу, но в любом случае вечером она будет здесь. Значит, и волно-

ваться нечего». «Все это пустяки» — так я сказал не только себе, но и постарался, скрывая свои мучения, убедить в этом Франсуазу: даже когда я любил Альбертину безумной любовью, я все-таки заботился о том, чтобы моя любовь казалась другим счастливой, взаимной, особенно — Франсуазе, не жаловавшей Альбертину и сомневавшейся в ее искренности.

Да, незадолго до прихода Франсуазы я был уверен, что разлюбил Альбертину, я был уверен, что ничего не упустил из виду, я полагал, что изучил себя, как говорится, до тонкости. Но наш рассудок, каким бы ясным он ни был, не замечает частиц, из которых он состоит и о которых он даже не подозревает до тех пор, пока что-то их не разобьет и летучее состояние, в коем они, главным образом, пребывают, нечувствительно сменится застыванием. Я ошибочно полагал, что вижу себя насквозь. Однако внезапный приступ боли снабдил меня неумолимым, неопровержимым, необычным, как кристаллическая соль, знанием, которого мне не дал бы и самый тонкий ум. Я так привык к тому, что Альбертина тут, рядом, и вот, неожиданно — новая грань Привычного. До сих пор я видел в Альбертине разрушительную силу, подавляющую мою личность, подавляющую мое восприятие действительности; теперь же я видел в ней прочно прикованное ко мне странное божество с невыразительным лицом, до такой степени отчетливо отпечатавшимся в моем сердце, что если это божество от меня отделится, если это божество, которое я едва различаю, от меня отвернется, то это причинит мне невыносимую муку, а значит, оно жестоко, как смерть.

Мне хотелось как можно скорей ее вернуть, и я тут же начал читать ее письмо. Мне казалось, что это в моей власти: ведь будущее существует лишь

в намерениях человека, и нам представляется, что их можно изменить *in extremis*¹ нашей воли. Но я не забывал и о влиянии других сил, с которыми, даже если бы в моем распоряжении было больше времени, я не мог бы ничего поделать. Что в том, что час еще не пробил, если мы бессильны что-либо изменить в грядущем? Когда Альбертина жила у меня, я решил сам пойти на разрыв с ней. И вот она уехала. Я распечатал конверт. Привожу ее письмо:

Друг мой! Простите, что я не осмелилась сказать Вам те несколько слов, которые Вы сейчас прочтете, но я такая трусиха, я всегда так перед Вами робела, что, как я себя ни заставляла, у меня все-таки не хватало решимости. Мне надо было бы сказать Вам вот что: наша совместная жизнь стала невозможной (кстати, на днях Ваша выходка показала, что в наших отношениях что-то изменилось). Что удалось нынче ночью уладить, то спустя несколько дней могло бы стать непоправимым. А потому, раз уж нам удалось помириться, давайте расстанемся добрыми друзьями; вот для чего, милый мой, я и пишу Вам эту записку: я прошу Вас не поминать меня лихом и простить меня, если я Вас огорчаю; поверьте: мне безумно жаль прошлого. Любимый мой! Я не хочу быть Вам в тягость, мне будет больно ощущать Ваше быстрое охлаждение; приняв окончательное решение, я, прежде чем передать Вам письмо, велю Франсуазе уложить мои вещи. Прощайте! Все лучшее, что есть во мне, я оставляю Вам.

Альбертина.

¹ Последним усилием (лат.).

«Все это одни слова, — подумал я, — это даже лучше, чем я себе представлял, не обдумав хорошенько своего шага, она, очевидно, написала письмо с единственной целью — нанести мне сокрушительный удар, чтобы напугать меня. Надо как можно скорее найти способ вернуть Альбертину сегодня же. Противно, что Бонтаны так корыстолюбивы: пользуются племянницей, чтобы вымогать у меня деньги. Э, да не все ли равно! Если я ради того, чтобы немедленно вернуть Альбертину, отдам г-же Бонтан половину своего состояния, мы с Альбертиной все-таки проживем безбедно». Одновременно я соображал, успею ли я утром заказать яхту и ролс-ройс, о которых она мечтала; я ни секунды не колебался, мне в голову не приходила мысль, что дарить их ей безрассудно. Даже если согласия г-жи Бонтан окажется недостаточно, если Альбертина не пожелает подчиниться тетушке и поставит условием своего возвращения полную свободу — что ж, каких бы страданий это мне ни стоило, я предоставлю ей свободу: она будет уходить одна, когда захочет; надо уметь идти на жертвы, как бы ни были они мучительны, ради того, что вам всего дороже, самое же для меня дорогое, в чем бы я себя утром ни уверял, приводя неопровержимые и вместе с тем бессмысленные доводы, это чтобы Альбертина жила здесь. Надо ли говорить, какая мука была для меня — предоставлять ей свободу? Если бы я стал это отрицать, я бы лгал. Мне уже не раз пришлось испытать, что боль при мысли, что я предоставляю ей свободу изменять мне, была, пожалуй, не так сильна, как уныние, охватывавшее меня от сознания, что ей со мной скучно. Понятно, разрешить ей куда-нибудь съездить, если б она стала отпрашиваться и если б я знал наверное, что там будет оргия, — мысль об этом была бы для меня невыносимой. Другое де-

ло — сказать ей: «Садитесь на пароход или в поезд, поезжайте на месяц в неведомую мне страну, только чтобы я ничего не знал, что вы будете там делать», — и мне часто приятно было думать, что вдали она отдала бы предпочтение жизни у меня и была бы счастлива по возвращении. Впрочем, она сама стремилась к тому же; она не требовала свободы, ограничений которой к тому же я сумел бы постепенно добиться, ежедневно предлагая ей все новые и новые развлечения. Альбертине хотелось только, чтобы я перестал ей надоедать, а главное, — как когда-то требовала от Свана Одетта, — чтобы я на ней женился. Выйдя замуж, она будет дорожить своей независимостью, мы останемся здесь вдвоем, мы будем так счастливы! Разумеется, это значило отказаться от Венеции. А насколько самые желанные города и в еще большей степени, чем Венеция, — герцогиня Германтская, театр, покажутся бесцветными, безразличными, мертвыми, когда мы соединены с другим сердцем узами столь болезненными, что они никуда нас не отпускают! К тому же Альбертина в своем стремлении к браку была совершенно права. Даже моей маме все эти промедления казались смехотворными. Жениться — вот на что мне давно следовало пойти, вот на что мне было необходимо решиться; именно моя нерешительность заставила Альбертину написать письмо, хотя она сама ни одному слову из этого письма не верила. Чтобы добиться брака, она на несколько часов отказалась от исполнения и своего, и моего желания: вернуться. Да, она хотела вернуться, для этого-то она и убежала, — говорил мне мой снисходительный разум, но когда я себя в этом убеждал, разум возвращался к иному предположению. Этому второму предположению не хватило смелости недвусмысленно сформулировать мысль, что Альбертина способна на связь

с мадемуазель Вентейль и ее подругой. И все же, когда это ужасное предположение застало меня врасплох при входе в энкарвильский вокзал, подтвердилось именно оно. Я не мог себе представить, чтобы Альбертина сама решилась покинуть меня без предупреждения и не предоставив мне возможности удержать ее. И все-таки (после того, как жизнь только что заставила меня сделать новый огромный прыжок) реальность требовала признания, но она, эта реальность, была для меня так же непривычна, как та, перед лицом которой мы оказываемся в результате открытия физика, дознания судебного следователя, находок историка, исследующих преступление или же революцию, и, разумеется, эта реальность брала верх над моим художочным вторым предположением и вместе с тем подтверждала его. Второе предположение особым остроумием не отличалось, и панический страх, который охватил меня в тот вечер, когда Альбертина не поцеловала меня перед сном, и в ту ночь, когда я слышал стук оконной рамы, — этот страх был беспричинным. Однако на верность второго предположения указывало множество случаев, а дальнейшее явилось еще более мощным доказательством того, что разум — инструмент не самый тонкий, не самый сильный, не самый подходящий для постижения истины, из коей следует лишь вот что: начинать надо именно с разума, а не с интуиции, с подсознательного, а не с твердой веры в предчувствия. Именно жизнь мало-помалу, от случая к случаю, убеждает нас, что самое важное для нашего сердца или ума мы постигаем не разумом, а при помощи других сил. И тогда разум, сознавая их превосходство, по зрелом размышлении переходит на их сторону и соглашается стать их союзником, их слугой. Опыт веры. Непредвиденное несчастье, с которым я вступал в единоборство, тоже казалось